

© Пчелина О.В.

Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ И А. МЁЛЛЕР ВАН ДЕН БРУК: ПУТЬ К ТРЕТЬЕМУ ЦАРСТВУ

Аннотация. В статье проведен сопоставительный анализ творчества и социальных воззрений Д. Мережковского и А. Мёллера. Отображена специфика влияния Д. Мережковского на отношение немецкого мыслителя к творчеству Ф. Достоевского и интерпретацию идей русского классика. Рассмотрены особенности трактовки историко-философской концепции Третьего Завета в утопических проектах будущего Д. Мережковского и А. Мёллера.

Ключевые слова: утопические проекты будущего, консервативная и религиозная революция, историко-философская концепция, Вселенская Церковь, концепция Третьего Завета.

© O. Pchelina

D. MEREZHKOVSKY AND A. MYOLLER VAN DEN BROOK: THE WAY TO THE THIRD EMPIRE

Abstract. In the article the comparative analysis of D. Merezhkovsky and A. Meller's social views and creative work implemented carried out. It specifies the influence of D. Merezhkovsky on the attitude of the German thinker to F. Dostoevsky's legacy and the interpretation of his ideas. Features of treatment of the historical and philosophical concept of the Third Precept are considered in D. Merezhkovsky's and A. Myoller's utopian projects of the futures.

Key words: utopian projects of the futures, conservative and religious revolution, historical and philosophical concept, the Universal Church, concept of the Third Precept.

*«...от начала времен путь человечества
есть путь к божественному Обществу...»*

Д. Мережковский

*«...смысл сегодняшней и завтрашней жизни ...
является лишь повторённым смыслом жизни,
прожитой нами вчера и позавчера»*

А. Мёллер

Имена Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865-1941) и Артура Мёллера ван ден Брука (Arthur Moeller van den Bruck, 1876-1925) если и упоминаются вместе, то, как правило, в связи с творчеством великого русского писателя Ф.М. Достоевского. Именно на этой почве состоялось знакомство двух талантливых мыслителей России и Германии, переросшее в дальнейшем в творческое содружество. Однако можно с полным основанием предположить, что эта встреча не была случайной и обусловлена не только исключительным влиянием русского классика на становление мировоззрения мыслителей. Представляется, что их судьбы и пересечения более чем интересны, ибо итогом творческого поиска обоих мыслителей стали их оригинальные концепции относительно так называемого «Третьего Царства».

Литературные интересы Д. Мережковского и А. Мёллера отличались необычайной широтой и совпадением в направлениях и жанрах: в творческом наследии талантливых литераторов – публицистические и критические статьи, эссе о выдающихся политиках,

художниках и философах, переводы. Мыслителей объединяла вера в спасительную миссию литературы, борьба за чистоту языка, убеждение в возрастании роли литературы как важного идеологического оружия, способность «эстетического чувствования», увлечение мистицизмом и умение ценить достоинства иных культур при обостренном чувстве национальной принадлежности. Каждый из них был яркой и разносторонней личностью, один – среди русских, другой – среди немецких литераторов последней четверти и конца XIX – начала XX в., их имена были известны и за пределами своей страны.

Указанный временной период только усиливал черты сходства. Духовная атмосфера Германии конца XIX в., также как и России, была насыщена ожиданием грандиозных перемен. Рубеж веков – это эсхатологическая заостренность, апокалиптические предчувствия, понимание того, что современная западноевропейская цивилизация вплотную приблизилась к своему концу. Подобные идейные совпадения возникали независимо друг от друга в политической и культурной жизни Германии и России.

Мыслителей сближало понимание того, что процесс «возрождения *механических* знаний», изучения «тел, материй, но не духа и жизни», «вторжение в жизнь людей бездушной материальной цивилизации» был связан с «возрождением» научных традиций рубежа XVI – XVII вв. «Мы ... слишком увлеклись материальной стороной культуры, могуществом техники, довольно подозрительными дарами цивилизации, которые прославляются печатью», – писал Д. Мережковский в 1893 г. [7, 173].

Противопоставляя «последние выводы опытных знаний» «последним требованиям религиозного чувства», русский мыслитель полагал, что развитию бесконечного «прогресса» – бесконечного «промышления», «приобретения» и «накопления *мертвого* капитала», мещанству мог противостоять только высокий уровень духовной культуры. Борьба двух диаметрально противоположных мировоззрений требовала разрешения, и Д. Мережковский задавался вопросом поиска нового средства – нового идеального искусства, нового религиозного сознания.

Идеи отечественного символиста созвучны размышлениям немецкого литератора. Еще в «вильгельмовскую эпоху», когда на фоне успехов технического прогресса проявлялись и признаки кризиса, А. Мёллер почувствовал наступление нового исторического этапа. В своих ранних работах «Варьете» (1902), «Французский театр» (1905) он писал о пагубности прогресса, высказывал сомнение в том, что прогресс приведет к расцвету культуры, презирал «сытое самодовольство» и мещанство [12, 11].

В более поздних работах А. Мёллер продолжал критику «механического» прогресса, результатом которого стал упадок, выражал беспокойство духовным истощением Германии. Убеждение в том, что «материализм воззрений всегда ведет к материализму образа мыслей» и на смену «человеку мыслящему» приходит «человек расчетливый», когда «курс доллара становится подменой молитвы», привело его к мысли о необходимости постановки иной цели, выработке новой идеологии и созидательной силы [12, 189-191]. Обращение к национальным корням, осознание себя как национального социалиста усилилось во время пребывания за границей и вылилось в издание книги «Немцы», цель которой – воспитание нации в отстаивании своих прав. Представителя «молодого поколения» привлекала бисмарковская идея объединения всех немцев, в то же время он сознавал, что эта идея не могла реализоваться на основе достижений современной цивилизации. Органически соединить выработанные ранее культурные ценности с современными требованиями цивилизации сможет лишь новое искусство, новая культура, рожденная после неизбежного краха, полагал А. Мёллер [12, 16-17].

Критическое отношение к современному буржуазному Западу – неприятие базисных ценностей культуры, вера в избранность и великое предназначение своего народа, идея духовного универсализма – именно эти темы великого русского писателя оказались

близки Д. Мережковскому и А. Мёллеру. Творчество Ф. Достоевского мыслители восприняли как прообраз и пророчество современного хаоса – писатель жил и творил в кризисное время русской истории, когда погибал старый мир и зарождался новый. В художественных произведениях русского писателя гениально запечатлено катастрофическое столкновение двух эпох, борьба «аполлонийского» и «дионисийского» начал, пророчество революции. Кроме того, произведения Ф. Достоевского проникнуты «болезненно-жгучим состраданием» к людям, мучительной жалостью, которая искушает, отмечал Д. Мережковский и считал, что эта сторона таланта великого русского писателя «язвила и смущала покой равнодушных» и более всего поразила молодое поколение писателей Западной Европы [8, 541].

Отношение к России и русской культуре складывалось у А. Мёллера на почве литературного интереса и личных контактов, но не политических пристрастий, а встреча с Д. Мережковским (Париж, 1906 г.) послужила началом увлечения творчеством Ф. Достоевского (Д. Мережковский познакомил его с первым немецким изданием собрания сочинений классика). Работы Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» и «Пророк русской революции» способствовала более глубокому пониманию и критическому осмыслению творчества русского писателя и интерпретации его идей. Все эти события оказали сильное влияние на внутреннее развитие немецкого мыслителя, которое совпало с периодом становления и его, как было принято оценивать, *националистических* взглядов. Итогом этого знакомства стала публикация статьи А. Мёллера «Толстой, Достоевский и Мережковский» (1904) [12, 87].

Необходимо отметить, что в обширном творческом наследии Д.С. Мережковского исследование «Л. Толстой и Достоевский» занимает особое место. Одним из первых этот фундаментальный труд был переведен на многие языки, что принесло автору громкую известность в Западной Европе. В отечественной историко-философской и религиозной мысли данный труд оценен как «самый ценный его вклад в русскую духовную культуру» (Н. Бердяев) и «талантливое критическое исследование» (А. Мень). В зарубежном литературно-критическом наследии работа заняла достойное место и явилась стимулом для дальнейших многочисленных исследований творчества великих писателей.

Знакомство немецкого и русского мыслителей переросло в совместный творческий проект – первое полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского на немецком языке вышло в мюнхенско-лейпцигском издательстве Рейнхарда Пипера (1906 – 1919) под руководством Артура Мёллера ван ден Брука при участии Д.С. Мережковского и Д.В. Филофова. А. Мёллер выступил как издатель, переводчик, автор предисловий к нескольким томам и интерпретатор произведений русского писателя. В своих вступительных эссе «коллеги по цеху» задались целью не только передать свое отношение к творчеству Ф. Достоевского, но и раскрыть мысль о религиозной миссии русского народа. Д. Мережковский продолжал развивать идею о грядущей гармонии духа и плоти, «истины неба и истины земли», анализом «символического» и «чувственного» – западноевропейского и славянского мировосприятий – занимался А. Мёллер [16, 334]. Несмотря на то, что Ф. Достоевский предстал в их интерпретации в большей степени как религиозный мыслитель и мистик, издание сыграло важную историческую роль: именно с него начинается признание русского классика в Германии. Октябрьская революция 1917 г. в России закрепила за Ф. Достоевским репутацию «пророка русской революции» – работа Д. Мережковского «Пророк русской революции» была опубликована еще в 1906 г. Мысль Д. Мережковского о «последней сущности» общественных взглядов Достоевского воспроизведена А. Мёллером в его предисловии к «Бесам» (1919) [16].

Повышенный интерес к русской литературе в целом и к творчеству Ф. Достоевского в частности представляется вполне логичным в период активного распространения

социалистических идей в Западной Европе. Кроме того, А. Мёллер являлся одним из родоначальников и крупнейших идеологов «консервативной революции» в Германии, в то время как «русский Лютер», Д. Мережковский, – «религиозной революции» в России. «Общим местом» для обоих мыслителей стало понимание сущности и назначения искусства, катастрофическое восприятие действительности, философское осмысление «хаоса», поиски путей преодоления кризисного сознания, крушение «старых» идеалов и наступление «новой» эпохи. Однако грядущее обновление мира, которое должно было наступить как неминуемое следствие современной кризисной ситуации, мыслилось Д. Мережковским и А. Мёллером по-разному. Связывая свои надежды с революцией или мечтой о нравственно-духовном перерождении человечества, каждый из них стремился найти себе союзника в лице Ф. Достоевского.

Что касается А. Мёллера, то русская классика стала для него обоснованием собственного критического мышления, источником новых идей, ответом на вопросы, которые интересовали его в процессе осознания немецкой национальной принадлежности. Становится понятным, почему Ф. Достоевский стал для А. Мёллера не только «великим мистиком», но и «великим националистом». Вера в избранность своего народа, видение в нем высшей ценности, пророчество о его всемирно-исторической миссии, понимание России как «молодого» народа, который в состоянии бросить свой вызов «одряхлевшей Европе» – именно эти мотивы оказались наиболее созвучными взглядам А. Мёллера и послужили ему творческим импульсом. Кроме того, у русского писателя он заимствует идею Третьего Рима.

Апокалиптическое видение последней империи легло в основу «духовно-политического» проекта «Das dritte Reich» («Третий рейх») – так автор назвал свою главную работу, которая вышла в свет в 1923 г. Книга состоит из восьми глав, названия семи – революционер, социалист, либерал, демократ, пролетарий, реакционер и консерватор – соотносятся с носителями идей немецкого общества. Автор подвергает критике существующие партии и их программы. В восьмой главе обосновывается и презентуется основная цель младоконсерваторов – Третья империя.

Представляется не случайным и название заключительной главы, которое повторяет название книги. Согласно А. Мёллеру, Третий рейх – это кульминация и конечная цель «консервативной революции», образец современной культурно-политической утопии, идеальное немецкое государство, смысл которой состоит в наступлении на позиции современной либерально-индустриальной цивилизации. Третий рейх – царство всеобщей красоты и гармонии, с сакральным центром мира и храмом для обожествленной нации. При этом автор соблюдал принцип триединства: Священная Римская империя германских народов – тезис, Бисмарковская империя – антитезис, Третий рейх – синтез. Словом, диалектические рассуждения А. Мёллера находили завершение в синтезе «третьего» – Третьего рейха, что – символически – соответствовало пророчествам Иоахима Флорского. Однако необходимо отметить, что идея «*Троицы, пришествия Духа и Третьего Царства, или Завета*» прежде всего лейтмотивом прошла через все творчество Д.С. Мережковского [2, 247], о чем справедливо написала З. Гиппиус.

На этот источник (учение И. Флорского), из которого Д.С. Мережковским была заимствована идея Третьего Завета, указывают Н.О. Лосский и Н.А. Бердяев [5, 431-433; 1, 348]. Русские философы акцентируют внимание на том, что Д.С. Мережковский не только теоретически разрабатывал религиозные учения, выражая в них собственные философские взгляды, но и оказывал практическое влияние на жизнь общества. Так, Н.О. Лосский находит проблемы пола, святой плоти, социальной справедливости включенными в концепцию Д.С. Мережковского о Святой Троице, подчеркивает ее актуальность и определяет как творческую задачу христианства. Сам Д.С. Мережковский, апеллируя к

учению «ангельского учителя», писал: «...по Иоахимову «вечному Евангелию», в Первом Завете Отца – закон; во Втором Завете Сына – любовь, а в Третьем Завете Духа – свобода» [6, 227].

Мысль о том, что на смену язычеству («царству плоти») и христианству («царству духа») должна прийти религия «Третьего завета» с идеалом, в котором наступит примирение, слияние и соединение духа и плоти, была свойственна ряду позднеантичных и средневековых мыслителей, начиная с Климента Александрийского и Иоахима Флорского или Флорского. Согласно их теории, судьба мира проходит через три этапа: Бога – Отца, Творца Ветхого Завета, Сына Божьего Христа, и в грядущем откроется «Третий Завет» – Царство Духа, когда жизнь будет проходить в полной любви. Идея теологии истории Иоахима Флорского состоит в том, что история содержит тринитарные черты. Первая эпоха – Ветхого Завета, соответствует Богу Отцу, вторая эпоха – Нового Завета, установлена Сыном, третья – последняя, наступление которой Иоахим предрекал в 1260 г., есть эпоха Святого Духа.

На основании «трех состояний мира» – «tres status totius saeculi», – которые И. Флорский понимает как «первое, земное, – в Отце; второе, водное, – в Сыне; третье, огненное – в Духе», Д.С. Мережковский приходит к заключению, что весь путь христианства ведет от Сына к Духу, от «крещения водой» к «крещению Огнем» [9, 284-285].

Сравнивая три эпохи с тремя состояниями мира, предписанных Св. Писанием, И. Флорский в работе «Concordia» писал, что «первое состояние определяется знанием, второе – обладанием мудростью, третье – совершенным пониманием» [4, 62]. При этом «совершенное понимание» («plenitudine intelligentiae») трактуется двояко: это окончательное освобождение от закона, эпоха любви и возможность постижения полного смысла Св. Писания. Предсказывая для третьей эпохи nova или moderna religio, средневековый мыслитель не имел в виду «новую религию», как полагали некоторые мыслители, а подразумевал новый вид страха Божьего и благочестия [4, 63]. Что касается Церкви, то он провозглашал «Иоаннову» эпоху, которая придет на смену «Петровой» и принесет с собой исполнение Нагорной проповеди – прекращение насилия и войн. Представляется, что эта мысль была особенно близка Д.С. Мережковскому, отвергавшему насилие в любой форме его проявления.

В ряду многочисленных интерпретаций учения Иоахима Флорского стало понимание новой христианской эпохи как предчувствия реформации. В частности, Томас Мюнцер проявил глубокий интерес к хилиастической концепции исторического мирового процесса калабрийского аббата, изложенной в сочинении «Concordia Novi et Veteris testamenti» и «Enchiridion in Apocalipsin». Суть концепции состояла в учении о трех состояниях мирового развития: «первое состояние, начавшееся с Адама и продолжавшееся до Христа, характеризуется как время, когда люди жили по плоти; второе состояние, которое продолжается «до настоящего времени», характеризуется тем, что люди живут по принципу, промежуточному между плотью и духом; наконец, третье состояние, которое продолжится до конца мира, когда люди будут жить по духу» [13, 83]. Таким образом, следует вывод, что официальное христианство как смешение царства плоти и царства духа, должно уступить место *царству чистой духовности*, стадии господства духа, или «Вечного Евангелия».

Согласно исследованиям Н. Лобковица (Германия), в Новое время, в эпоху Ренессанса и Просвещения в Европе интерес к учению Иоахима не ослабевал. Идеи И. Флорского он находит в работах Г.В. Гегеля, Г. Лессинга и Ф.В. Шеллинга. В истории русской философии Н. Лобковиц связывает учение о трех эпохах с именами Ф.М. Достоевского и Д.С. Мережковского, в работах которых учение «соединяется с представлением о Москве как «третьем Риме», ... с предвидением социализма» [4, 65].

Таким образом, теоретически имея одни и те же источники, концепция Третьей эпохи (Завета, Рима, Царства, Империи) получила различное практическое воплощение. Учение о «троичности мироздания» было развито Д. Мережковским и А. Мёллером в применении к их собственному пониманию метафизической сущности момента, переживаемого в России и Германии на рубеже XIX-XX вв.

Будущее России виделось Д.С. Мережковскому в неразрывном союзе с Европой – «только в Третьем Завете соединится Третья Россия с Третьей Европой» [10, 29]. При этом русский мыслитель верил в возможность религиозного преображения жизни как пути достижения подлинного бытия не в первом и втором христианстве, не в православии и не в католичестве, а «только в Христианстве Третьем». Осознавая всю тяжесть ответственности, которая возлагается на Россию, он верил в ее ведущую роль во всемирном соединении: «мы ведь сейчас, может быть, отвечаем не только за Россию, но и за мир, нами оставленный» [10, 248].

Д.С. Мережковский мечтал о Вселенской церкви, которая объединит всех людей одним духовным идеалом свободного всеединства, «новым религиозным сознанием», а эпоха Третьего Завета соединит свободу и святость плоти со свободой и святостью духа. Отводя России решающую роль в будущем возрождении, Д.С. Мережковский выступал против высокомерного презрения к «безбожному, гнилому Западу» и утверждения России как единственного народа – богоносца. Подобного рода высказывания он расценивал как «безбожный и гнилой национализм» и видел преимущество не в исключительности или превосходстве, а в том, что путь России совпадал с путем объединения человечества. «Мы и они – не две ли половины одного целого, не два ли полюса одной силы? Ежели есть у нас какое-либо преимущество перед ними, то единственно в том, что мы раньше них задумались над этим вопросом», – писал Д. Мережковский [11, 71].

Отмечая непоколебимую веру Д.С. Мережковского в национальное возрождение России, современники мыслителя свидетельствуют о том, что его книги были запрещены в Германии и странах, занятых немцами [3, 460]. Д.С. Мережковский был убежден, что вся жизнь в Третьем Завете станет общинной, социальное неравенство, главное зло века, будет устранено, а частная собственность – упразднена. Для Д.С. Мережковского Третий Завет – это новая заповедь любви, которая утверждает всемирное соединение на любви как на личном и общественном начале вместе, это справедливое общество, которое и есть «царство Божие на земле, как на небе». Таким образом, концепцию русского мыслителя отличала идея всеобщего единения, согласия, примирения, а миссия России представлялась ему исключительно духовной и всечеловеческой и не была связана с экспансией.

Следуя в русле размышлений Д. Мережковского, завершившего мысль Достоевского о русском стремлении к «примирению мировых противоречий», А. Мёллер поставил перед собой задачу «примирения» антагонизмов, существующих в Германии. «Мы должны иметь мужество жить в противоположностях», – такой мотив проходит через всю книгу о «Третьем рейхе». В отличие от Мережковского, немецкий мыслитель не задавался целью наполнить свой проект религиозным содержанием. Если для Мережковского культура и религия являли собой единое целое, а революция была окрашена в мистические тона и мыслилась как «религиозная», то для А. Мёллера революция могла быть исключительно «консервативной», носила политический и националистический характер. Д. Мережковский верил, что за уже идущим первым, разрушительным «социальным фазисом» революции последует второй, «религиозный» и созидательный. С третьей стадией он связывал преображение «общества христианского» в «единую вселенскую и владычествующую церковь». Похожую идею о двух фазах немецкого революционного развития, одна из которых будет разрушительной, а другая созидательной, повторит и А. Мёллер. Он будет писать о революции как о движении, которое не успокоится, пока

«разбуженные ею силы вновь не придут к связующему результату». Этот второй этап революции, связанный с тотальным преобразованием сначала немецкого сознания, а затем и окружающего мира, получит у А. Мёллера название «консервативного». Вторым этапом также должен будет принести «обязующее единение», но уже не в «европейской» или «русской», а в «немецкой» форме «Третьего рейха».

Свои культурологические идеи А. Мёллер также связал с политикой, предвосхитив процесс политизации духовной культуры, который захватил Веймарскую республику и выразился в идее взаимосвязи национальной гармонии и превосходства. Таким образом, речь шла не о религиозном единении человечества, а о политическом сплочении под эгидой Германии соседних с ней народов. При этом предназначение немцев рассматривалось не во «вселенском», а в более скромном, «центральноевропейском» масштабе.

Миф о «молодых» народах, которые бросают вызов «старым» нациям Европы, был характерной чертой немецкого романтизма, а также получил развитие в творчестве Ф. Достоевского. Идеолог «революционного консерватизма» интерпретировал эти понятия как синонимы: «молодости» народа соответствовал «социализм», «старости» – либерализм. Находясь под влиянием Ф. Достоевского, немецкий мыслитель сместил акценты с идеи русской «богоизбранности» на великое предназначение самих немцев, а призывы «обратиться к Востоку» – на обоснование немецкого «универсализма», способного покорять пространство чужих культур. В результате подобного рода размышлений А. Мёллер пришел к убеждению, что «Россия слишком велика для России», в то время как «Германия слишком мала для Европы» [16, 156]. Во власти над миром проповедник консервативной революции видел «адекватную возможность ... облегчить народу перенаселенной страны жизнь». При этом «стремления к рискованным предприятиям и захватам» он называет самыми лучшими и сильными немецкими инстинктами [12, 165]. Спустя десятилетие «реально существующий» Третий рейх предпринял попытку осуществления этой программы.

Книга А. Мёллера «Третий рейх» стала манифестом «консервативной революции», итогом которой должно было стать немецкое государство с германским идеалом, берущим начало в апокалиптических пророчествах Иоахима Флорского и других средневековых мистиков. По мысли А. Мёллера, в «третьей империи» должны воплотиться лучшие традиции Священной римской империи германской нации и Второй империи времён Бисмарка, а также реализоваться мечты революционеров – социалистов и националистов – консерваторов. Представив внешнеполитическую сторону программы будущего, автор не конкретизировал ее хозяйственную и политическую системы. Созданная утопическая модель будущего, совершенный немец – «консервативный человек», который должен усвоить истинные «национальные ценности» и на которых выстроится жизнь всего народа, представляли собой, прежде всего, политический и эстетический идеал.

Но как культуролог и политик, А. Мёллер не мог не понимать, какой простор для фантазии представляют такого рода описания. Об опасности именно такого «соблазна» в прочтении Достоевского в свое время предупреждал и Д. Мережковский. Сам автор (А. Мёллер) писал, что «миллионы людей собраны вместе, так что можно ставить цель о создании движения. Народ лишь ждет повода и знака, который ему должны подать» [12, 235]. Вопрос был в лидере, способном возглавить это движение. Позже о подобной тенденции написал Г. Брех в романе «Die Schlafwandler» («Лунатики», 1932). Роман представлял собой аллегорическое описание духовного кризиса в Веймарской республике, когда любой гражданин в преддверии захвата власти (Machtergreifung) испытывал «вдвое более сильную тоску по Лидеру, который бы нежно и ласково взял бы его за руку и указал ему путь, и все бы встало на свои места ... по Целителю, который бы своими действиями придал смысл непостижимым событиям Эпохи, чтобы Время могло начать новый бег» [15, 548].

Особенный смысл приобрело содержание и название работы «Третий рейх» после прихода к власти нацистов. Несмотря на то, что сотрудничество А. Мёллера с А. Гитлером не состоялось, его имя часто ассоциируется с национал-социализмом и упоминается в ряду идейных наставников будущего рейхсфюрера. Известно, что сам А. Гитлер при личной встрече сказал А. Мёллеру, что младоконсерваторы разрабатывают духовное оружие для обновления Германии и имеют то, чего не имеет он сам [12, 102]. Отчетливо сознавая политические реалии своего времени, автор работы не исключал, что попытка осуществить его утопию может стать самоубийственной для «склонного к иллюзиям» немецкого народа. Практически воплотить немецкий национализм в XX в. было не суждено, не удалось, а добровольно ушедший из жизни автор не увидел предсказанной им самой катастрофы. В современной исследовательской литературе спорными остаются вопросы о том, насколько велико влияние идей А. Мёллера и не спровоцировало ли его творчество убежденность немецкого народа в его праве решать судьбы остальных народов. А некоторыми авторами последнего десятилетия высказываются сомнения по поводу того, что понятие «Третий рейх» заимствовано было нацистами именно из этого сочинения [14].

Итак, идеи Д. Мережковского и А. Мёллера ван ден Брука всегда были объектом внимания современников, исследователей, представителей различных религиозных и политических течений. Их утопические проекты «будущего» имели множество интерпретаций. Интерес к творчеству Д. Мережковского и А. Мёллера не утрачен и сегодня, и это вполне объяснимый факт – содержание их рассуждений легко проецируется на реальную историческую ситуацию. Тем более поучительными представляются уроки, которые заключены в творческом наследии мыслителей, выступающих от имени двух «великих держав». Наша задача – суметь адекватно оценить это наследие, так как «только то поколение, которое научится ценить доброе и прекрасное в своих предшественниках, прощать их недостатки и признавать их силу, имеет право надеяться на будущее», – завещал Д.С. Мережковский [8, 549].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердяев Н.А. О новом религиозном сознании // Бердяев Н.А. О русских классиках. М.: Высшая школа, 1993.
2. Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // Гиппиус З. Живые лица: В 2-х т. Тбилиси: Мерани, 1991. Т. 2.
3. Злобин В.А. Д.С. Мережковский и его борьба с большевизмом. // Д.С. Мережковский: pro et contra: Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников: Антология. СПб.: РХГИ, 2001.
4. Лобковиц Н. Иоахим Флорский и Миллениум // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 55-68.
5. Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991.
6. Мережковский Д.С. Данте. Томск: Водолей, 1997.
7. Мережковский Д.С. Мистическое движение нашего века // Мережковский Д.С. «Акрополь». Избр. лит.-критич. статьи. М.: Кн. палата, 1991.
8. Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы // Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995.
9. Мережковский Д.С. Франциск Ассизский // Мережковский Д.С. Лица святых от Иисуса к нам. М.: Фолио, 2000.
10. Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции. СПб.: Изд. Русск. христ. гуманист. ин-та, 2001.

11. Мережковский Д.С. Цветы мещанства // Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М.: Советский писатель, 1991.
12. А. Мёллер ван ден Брук, А. Васильченко. Миф о вечной империи и Третий рейх / А. Мёллер ван ден Брук, А. Васильченко. М.: Вече, 2009.
13. Смирин М.М. Народная реформация Томаса Мюнцера и великая крестьянская война. М.-Л., 1947.
14. Barsch C.- E. Die politische Religion des Nationalsozialismus. Munchen., 1998. См. об этом: Kroll F.- L. Konservative Revolution und Nationalsozialismus. Aspekte und Perspektive ihrer Erforschung // Stand und Probleme der Erforschung des Konservatismus. Hrsgg. von Caspar von Schenk-Notzing. Berlin, 2000.
15. Bloch H. The Sleepwalkers. N.Y., 1964.
16. Dostojewski F.M. Samtliche Werke. Unter Mitarbeiterschaft von Dmitri Mereschkovski, Dmitri Philosophoff und Anderen herausgegeben von A. Moeller van den Bruck. Bd. 1-22. Munchen und Leipzig. R. Piper, 1906-1919.
17. Moeller van den Bruck A. Der politische Mensch. Breslau, 1933.